

Dohnal, Josef; Deržavin, Gavriil Romanovič

Гавриил Романович Державин (1744-1816)

In: Dohnal, Josef. *Русская литература XVIII века. Избранные тексты II., Хрестоматия.*
1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2014, pp. 191-242

ISBN 978-80-210-7065-3; ISBN 978-80-210-7068-4 (online : Mobipocket)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/130402>

Access Date: 26. 03. 2025

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Гавриил Романович Державин

(1744–1816)

Подобно Карамзину, и Державин связан с постепенным переходом от классицистической эпохи русской литературы к преромантизму. Так как он старше Карамзина, его творчество можно считать свидетельством постепенных изменений в характере (и темы, и формальные признаки) русской литературы того времени.

Кого именует Державин в своих стихах «Фелица»? Чем отличаются стихи, посвященные Фелице, от «Прогулки в Царском Селе»?

Кто такое Анакреон и чем характерны анакреонтические стихи?

РАЗЛУКА

Неизбежным уже роком
Расстаешься ты со мной,
Во стенании жестоком
Разлучаюсь я с тобой;
Обливался слезами,
Не могу тоски снести,
Не могу сказать словами,
Сердцем говорю: прости.
Белы руки, милы очи
Я целую у тебя.
Нету силы, нету мочи
Мне уехать от тебя.
Лобызая, обмирая,
Тебе душу отдаю
Иль из уст твоих желаю
Душу взять с собой твою.

СОNET

Красавица, не трать ты времени напрасно
И знай, что без любви все в свете суеты:
Жалей и не теряй прелестной красоты,
Чтоб после не тужить, что век прошел несчастли.

Любися в младости, доколе сердце страстно;
Как сей век пролетит, ты будешь уж не ты.
Плети себе венки, покуда есть цветы,
Гуляй в садах весной, а осенью ненастно.

Взгляни когда, взгляни на розовый цветок,
Тогда, когда уже завял ее листок:
И красота твоя подобно ей завянет.
Не трать своих ты дней, доколь ты не стара,

И знай, что на тебя никто тогда не взглянет,
Когда, как розы сей, пройдет твоя пора.

ПИКНИКИ

Оставя беспокойство в граде
И всё, смущает что умы,
В простой приятельской прохладе
Свое проводим время мы.

Невинны красоты природы
По холмам, рощам, островам,
Кустарники, луга И воды -
Приятная забава нам.

Мы положили меж друзьями
Законы равенства хранить;
Богатством, властью и чинами
Себя отнюдь не возносить.

Но если весел кто, забавен,
Любезнее других тот нам;
А если скромн, благонравен,
Мы чтим того не по чинам.

Нас не касаются раздоры,
Обидам места не даем;
Но, души всех, сердца и взоры
Совокупя, веселье пьем.

У нас не стыдно и герою
Повиноваться красотам;
Всегда одной дышать войною
Прилично варварам, не нам.

У нас лишь для того собранье,
Чтоб в жизни сладость почерпать;
Любви и дружества желанье -
Между собой цветы срывать.

Кто ищет общества, согласья,
Приди повеселись у нас;
И то для человека счастье,
Когда один приятен час.

ПРАВИЛО ЖИТЬ

Утешь поклоном горделивца,
Уйми пощечиной сварливца,
Засаль подмазкой скрып ворот,
Заткни собаке хлебом рот, – Я бьюся об заклад,
Что все четыре замолчат.

НЕВЕСТЕ

Хотел бы похвалить, но чем начать, не знал.
Как роза ты нежна, как ангел хороша,
Приятна как любовь, любезна как душа;
Ты лучше всех похвал; тебя я обожаю.

Нарядом мнят придать красавице приятство.
Но лъзя ль алмазами милей быть дурноте?
Прелестнее ты всех в невинной простоте:
Теряет на тебе сияние богатство.

Лилеи на холмах груди твоей блистают,
Зефиры кроткие во нрав тебе даны,
Долинки на щеках – улыбки зарь, весны;
На розах уст твоих – соты благоухают.

Как по челу власы гы рассыпаешь черны,
Румяная заря глядит из темных туч;
И понт как голубый пронзает звездный луч,
Так сердца глубину провидит взгляд твой скромный.

Но я ль, описывать красы твои дерзая,
Все прелести твои изобразить хочу?
Чем больше я прельщен, тем больше я молчу:
Собор в тебе утех, блаженство вижу рая!
Как счастлив смертный, кто с тобой проводит
время!

Счастливее того, кто нравится тебе.
В благополучии кого сравню себе,
Когда златых оков твоих несть буду бремя?

НА РОЖДЕНИЕ В СЕВЕРЕ ПОРФИРОРОДНОГО ОТРОКА

С белыми Борей власами
И с седою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжимал рукой;
Сыпал иней пушисты
И метели воздымал,
Налагая цепи льдисты.
Быстры воды оковал.
Вся природа содрогала
От лихого старика;
Землю в камень претворяла
Хладная его рука;
Убегали авери в норы,
Рыбы крылись в глубинах.
Петь не смели птичек хоры,
Пчелы прятались в дуплах;
Засыпали нимфы с скуки
Средь пещер и камышей,
Согревать сатиры руки
Собирались вкруг огней.
В это время столь холодно,
Как Борей был разъярен,
Отроча порфирородно
В царстве Северном рожден.
Родился, – и в ту минуту
Перестал реветь Борей;
Ондохнул, – и зиму люту
Удалил Зефир с полей;
Он воззрел, – и солнце красно
Обратилося к весне;
Он вскричал, – и лир согласно
Звук разнесся в сей стране;

Он простер лишь детски руки, -
 Уж порфиру в руки брал;
 Раздались Громовы звуки,
 И весь Север воссиял.
 Я увидел в восхищеньи
 Растворен судеб чертог;
 И подумал в изумленьи:
 „Знать, родился некий бог“.
 Гении к нему слетели
 В светлом облаке с небес;
 Каждый гений к колыбели
 Дар рожденному принес:
 Тот принес ему гром в руки
 Для предбудущих побед;
 Тот художества, науки,
 Украшающие свет;
 Тот обилие, богатство,
 Тот сияние порфир;
 Тот утехи и приятство,
 Тот спокойствие и мир;
 Тот принес ему телесну,
 Тот душевну красоту;
 Прозорливость тот небесну,
 Разум, духа высоту.
 Словом: все ему блаженства
 И таланты подаря,
 Все влияли совершенства,
 Составляющи царя;
 Но последний, добродетель
 Зарождаячи в нем, рек:
 „Будь страстей твоих владетель,
 Будь на троне человек!“
 Все крылами всплескали,
 Каждый гений восклицал:
 „Се божественный, – вещали, -
 Дар младенцу он избрал!

Дар, всему полезный миру!
Дар, добротам всем венец!
Кто приемлет с ним порфиру,
Будет подданным отец!“ -
„Будет, – и судьбы гласили, -
Он монархам образец!“
Лес и горы повторили:
„Утешением сердец!“ -
Сим Россия восхищенна
Токи слезны пролила,
На колени преклоненна,
В руки отрока взяла;
Восприяв его, лобзает
В перси, очи и уста;
В нем геройство возрастает,
Возрастает красота.
Все его уж любят страстно,
Всех сердца уж он возжёт:
Возрастай, дитя прекрасно!
Возрастай, наш полубог!
Возрастай, уподобляясь
Ты родителям во всем;
С их ты матерью равняясь,
Сравняйся с божеством.

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКОГО

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает,
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет – и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,

Как молнией, косою блещет
 И дни мои, как злак, сечет.
 Ничто от роковых когтей,
 Никая тварь не убегает:
 Монарх и узник – снедь червей,
 Гробницы злость стихий снедает;
 Зияет время славу стерть:
 Как в море льются быстры воды,
 Так в вечность льются дни и годы;
 Глощает царства алчна смерть.

Скользим мы бездны на краю,
 В которую стремглав свалимся;
 Приемлем с жизнью смерть свою,
 На то, чтоб умереть, родимся.
 Без жалости всё смерть разит:
 И звезды ею сокрушатся,
 И солнца ею потушатся,
 И всем мирам она грозит.

Не мнит лишь смертный умирать
 И быть себя он вечным чает;
 Приходит смерть к нему, как тать,
 И жизнь внезапно похищает.
 Увы! где меньше страха нам,
 Там может смерть постичь скорее;
 Ее и громы не быстрее
 Слетают к гордым вышням.

Сын роскоши, прохлад и нег,
 Куда, Мещерский! ты сокрылся?
 Оставил ты сей жизни брег,
 К брегам ты мертвых удалился;
 Здесь персть твоя, а духа нет.
 Где ж он? – Он там. -
 Где там? – Не знаем.

Мы только плачем и взываем:
„О, горе нам, рожденным в свет!“

Утехи, радость и любовь
Где купно с здравием блистали,
У всех там цепенеет кровь
И дух мятется от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воют клики,
И бледна смерть на всех глядит.

Глядит на всех – и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и серебре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвие косы.

Смерть, трепет естества и страх!
Мы гордость, с бедностью совместна;
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра – где ты, человек?
Едва часы протечь успели,
Хаоса в бездну улетели,
И весь, как сон, прошел твой век.

Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен;

Желанием честей размучен,
Зовет, я слышу, славы шум.
Но так и мужество пройдет
И вместе к славе с ним стремленье;
Богатств стяжание минет,
И в сердце всех страстей волненье
Прейдет, прейдет в чреду свою.
Подите счастья прочь возможны,
Вы все переменны здесь и ложны:
Я в дверях вечности стою.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно:
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

НА МОДНОЕ ОСТРОУМИЕ 1780 ГОДА

Не мыслить ни о чем и презирать сомненье,
На все давать тотчас свободное решенье,
Не много разуметь, о многом говорить;
Быть дерзку, но уметь продеозостями льстить;
Красивой пустошью плодиться в разговорах
И другу и врагу являть приятство в взорах;
Блистать учтивостью, но, чтя, пренебрегать,
Смеяться дуракам и им же потакать,
Любить по прибыли, по случаю дружитья,
Душою подличать, а внешностью гордиться;
Казаться богачом, а жить на счет других;
С осанкой важничать в безделицах самих;
Для острого словца шутить и над законом;

Не уважать отцом, ни матерью, ни троном;
И словом, лишь умом в поверхности блистать,
В познаниях одни цветы только срывать;
Тот узел рассекать, что развязать не знаем, -
Вот остроумием что часто мы считаем!

ФЕЛИЦА

Богopodobная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несразненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высокую гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает:
Она мой дух и ум пленяет,
Поддай, найти ее совет.

Поддай, Фелица! наставленья:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мягась житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,

Читаешь, пишешь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.

Не слишком любишь маскарады,
А в клуб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнаска не седлаешь,
К духам в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток, -
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душою
Полезных дней проводишь ток.

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаясь нарядом,
Скачу к портному по кафтан.

Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол серебром и золотом,
Где тысячи различных блюд:
Там слазный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят;
Шампанским вафли запиваю

И всё на свете забываю
Средь вик, сластей и аромат.

Или средь рощицы прекрасной
В беседке, где фонтан шумит,
При звоне арфы сладкогласной,
Где ветерок едва дышит,
Где всё мне роскошь представляет,
К утехам мысли уловляет,
Томит и оживляет кровь,
На бархатном диване лежа,
Младой девицы чувства нежа,
Вливаю в сердце ей любовь.

Или великолепным цугом
В карете английской, золотой,
С собакой, шутком, или другом,
Или с красавицей какой
Я под качелями гуляю;
В шинки пить меду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к премене,
Имея шапку набекрене,
Лечу на резвом бегуне.

Или музыкой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух;
Или, о всех делах заботу
Оставя, езжу на охоту
И забавляюсь лаем псов;
Или над Невскими берегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов.

Иль, сидя дома, я прокажу,
 Играя в дураки с женой;
 Те с ней на голубятню лажу,
 То в жмурки резвимся порой;
 То в свайку с нею веселюся,
 То ею в голове ищуся;
 То в книгах рыться я люблю,
 Мой ум и сердце просвещаю,
 Полкана и Бову читаю;
 За библией, зевая, сплю.

Таков, Фелица, я развратен!
 Но на меня весь свет похож.
 Кто сколько мудростью ни знатен,
 Но всякий человек есть ложь.
 Не ходим света мы путями,
 Бежим разврата за мечтами.
 Между лентяем и брюзгой,
 Между тщеславья и пороком
 Нашел кто разве ненароком.
 Путь добродетели прямой.

Нашел, – но лъзя ль не заблуждаться
 Нам, слабым смертным, в сем пути,
 Где сам рассудок спотыкаться
 И должен вслед страстям идти;
 Где нам ученые невежды,
 Как мгла у путников, тмят вежды?
 Везде соблазн и лесть живет;
 Пашей всех роскошь угнетает.
 Где ж добродетель обитает?
 Где роза без шипов растет?

Тебе единой лишь пристойно,
 Царевна! свет из тьмы творить;
 Дея Хаос на сферы стройно,

Союзом целость их крепить.
Из разногласия – согласие
И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, через понт плывущий,
Ловя под парус ветр ревущий,
Умеет судном управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхождением правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле, -
Но богу правосудну боле,
Живущему в законах их.

Ты здраво о заслугах мыслишь,
Достойным воздаешь ты честь;
Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плести,
А что сия ума забава -
Калифов добрых честь и слава.
Снисходишь ты на лирный лад:
Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Слух идет о твоих поступках,
Что ты нимало не горда;
Любезна и в делах и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напастях равнодушна,
А в славе так великодушна,

Что отреклась и мудрой слыть.
 Еще же говорят неложно,
 Что будто завсегда возможно
 Тебе и правду говорить.

Неслыханное также дело,
 Достойное тебя одной,
 Что будто ты народу смело
 О всем, и въявь и под рукой,
 И знать и мыслить позволяешь,
 И о себе не запрещаешь
 И быль и небыль говорить;
 Что будто самым крокодилам,
 Твоих всех милостей зоилам,
 Всегда склоняешься простить.

Стремятся слез приятных реки
 Из глубины души моей.
 О! коль счастливы человеки
 Там должны быть судьбой своей,
 Где ангел кроткий, ангел мирной,
 Сокрытый в светлости порфирной,
 С небес ниспослан скиптр носить!
 Там можно пошептать в беседах
 И, казни не боясь, в обедах
 За здравие царей не пить.

Там с именем Фелицы можно
 В строке описку поскоблить
 Или портрет неосторожно
 Ее на землю уронить.
 Там свадеб шутовских не парят,
 В ледовых банях их не жарят,
 Не щелкают в усы вельмож;
 Князья наседками не клохчут,
 Любимцы въявь им не хохочут
 И сажей не марают рож.

Ты ведаешь, Фелица! правы
И человеков, и царей;
Когда ты просвещаешь нравы,
Ты не дурачишь так людей;
В твои от дел отдохновеньи
Ты пишешь в сказках поученьи
И Хлору в азбуке твердишь:
„Не делай ничего худого,
И самого сатира злого
Лжецом презренным сотворишь“.

Стыдишься слыть ты тем великой,
Чтоб страшной, нелюбимой быть;
Медведице прилично дикой
Животных рвать и кровь их пить.
Без крайнего в горячке бедства
Тому ланцетов нужны ль средства,
Без них кто обойтись мог?
И славно ль быть тому тираном,
Великим в зверстве Тамерланом,
Кто благостью велик, как бог?

Фелицы слава – слава бога,
Который брани усмирил;
Который сира и убога
Покрыл, одел и на-кормил;
Который оком лучезарным
Шутам, трусам, неблагодарным
И праведным свой свет дарит;
Равно всех смертных просвещает,
Больных покоит, исцеляет,
Добро лишь для добра творит.

Который даровал свободу
В чужие области скакать,
Позволил своему народу

Сребра и золота искать;
Который воду разрешает
И лес рубить не запрещает;
Велит и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая ум и руки,
Велят любить торги, науки
И счастье дома находить.

Которого закон, десница
Дают и милости и суд. -
Вещай, премудрая Фелица!
Где отличён от честных плут?
Где старость по миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?
Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют? -
У трона разве твоего!

Но где твой трон сияет в мире?
Где, ветвь небесная, цветешь?
В Багдаде? Смирне? Кашемире? -
Послушай, где ты ни живешь:
Хвалы мои тебе приметя,
Не мни, чтоб шапки иль бешметя
За них я от тебя желал.
Почувствовать добра приятство
Такое есть души „богатство,
Какого Крез не собирал.

Прошу великого пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайша тока
И лицезренья на“лаждусь!
Небесные прошу я силы,
Да их простри сафирны крылы,

Невидимо тебя хранят
От всех болезней, зол и скуки;
Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звезды, возблестят.

БЛАГОДАРНОСТЬ ФЕЛИЦЕ

Предшественница дня золотого,
Весення утрення заря,
Когда из ионта голубого
Ведет к нам звездного царя,
Румяный взор свой ослабляет
На чела гор, на лоно вод,
Багряным золотом покрывает
Поля, леса и неба свод.
Крылаты кони по эфиру
Летят и рассекают мрак,
Любезное светало миру
Пресветлый свай возносит зрак,
Бегут толпами тени черны:
Какое зрелище очам!
Там блещет брег в реке зеленый,
Там светят перлы по лугам.
Там степи, как моря, струятся,
Седым волнуясь ковылем;
Там тучи журавлей стадаются,
Валторн с высот пуская гром;
Там небо всюду лучезарно
Янтарным пламенем блесит, -
Мое так сердце благодарно
К тебе усердием горит.
К тебе усердием, Фелица,
О кроткий ангел во плоти!
Которой разум и десница
Нам кажут к счастью пути.

Когда тебе в нелицемерном
Угодна слоге простота,
Внемли. – Но в чувствии безмерном
Мои безмолвствуют уста.
Когда поверх струистой влаги
Благоприятный дунет ветер,
Попутны вострепещут флаги
И ляжет между водных недр
За кораблем серебро грядою, -
Тогда испустят глас пловцы
И с восхищенною душою
Вселенной полетят в концы.
Когда небесный возгорится
В пиите огонь, он будет петь;
Когда от бремя дел случится
И мне свободный час иметь, -
Я праздности оставлю узы,
Игры, беседы, суеты;
Тогда ко мне приидут музы,
И лирой возгласишься ты.

ВИДЕНИЕ МУРЗЫ

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.
Сон томною своей рукою
Мечты различны рассыпал,
Кропя забвения росую,
Моих домашних усыплял.

Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в берегах своих сверкал;
Природа, в тишину глубоку
И в крепком погруженна сне,
Мертва казалась слуху, оку
На высоте и в глубине;
Лишь веяли одни зефиры,
Прохладу чувствам принося.
Я не спал – и, со звоном лиры
Мой тихий голос соглася,
„Блажен, – воспел я, – кто доволен
В сем свете жребием своим,
Обилен, здрав, покоен, волен
И счастлив лишь собой самим;
Кто сердце чисто, совесть праву
И твердый нрав хранит в свой век
И всю свою в том ставит славу,
Что он лишь добрый человек;
Что карлой он и великаном
И дивом света не рожден
И что не создан истуканом
И оных чтить не принужден;
Что все сего блаженствы мира
Находит он в семье своей;
Что нежная его Пленира
И верных несколько друзей
С ним могут в час уединенный
Делить и скуку и труды! -
Блажен и тот, кому царевны
Какой бы ни было орды
Из теремов своих янтарных
И серебро-розовых светлиц,
Как будто из улусов дальных,
Украдкой от придворных лиц,

За рассказы, за растабары,
 За вирши, иль за что-нибудь,
 Исподтишка драгие дары
 И в досканцах червонцы шлют;
 Блажен!“ – Но с речью сей незапно
 Мое всё зданье потряслось,
 Раздвиглись стены, и стократно
 Ярчее молний пролилось
 Сиянье вкрут меня небесно;
 Сокрылась, побледнев, луна.
 Виденье я узрел чудесно:
 Сошла со облаков жена, -
 Сошла – и жрицей очутилась
 Или богиней предо мной.
 Одежда белая струилась
 На ней серебряной волной;
 Градская на главе корона,
 Сиял при персях пояс злат;
 Из черно-огненна виссона,
 Подобный радуге, наряд
 С плеча десного половою
 Висел на левую бедру;
 Простертой на алтарь рукою
 На жертвенном она жару
 Сжигая маки благовонны
 Служила вышню божеству.

Орел полунощный, огромный,
 Сопутник молний торжеству,
 Геройской провозвестник славы,
 Сидя пред ней на груди книг,
 Священны блюл ее уставы;
 Потухший гром в когтях своих
 И лавр с оливными ветвями
 Держал, как будто бы уснув.
 Сафиристо-светлыми очами,

Как в гневе иль в жару, блеснув,
Богиня на меня воззрела.
Пребудет образ век во мне,
Она который впечатлела!

„Мурза! – она вещала мне, -
Ты быть себя счастливым чаешь,
Когда по дням и по ночам
На лире ты своей играешь
И песни лишь поешь царям.
Вострепещи, Мурза несчастный!
И страшны истины внемли,
Которым стихотворцы страстны
Едва ли верят на земли;
Одно к тебе лишь доброхотство
Мне их открыть велит. – Когда
Поэзия не сумасбродство,
Но вышний дар богов, – тогда
Сей дар богов лишь к чести
И к поученью их путей
Быть должен обращен, не к лести
И тленной похвале людей.
Владыки света люди те же,
В них страсти, хоть на них венцы;
Яд лести их вредит не реже, -
А где поэты не льстецы?
И ты сирен поющих грому
В вред добродетели не строй;
Благотворителю прямому
В хвале нет нужды никакой.
Хранящий муж честные нравы,
Творяй свой долг, свои дела,
Царю приносит больше славы,
Чем всех пиитов похвала.
Оставь нектаром наполненну
Опасну чашу, где скрыт яд“. -

„Кого я зрю столь дерзновениу
И чьи уста меня разят?

Кто ты? Богиня или жрица?“ -
Мечту стоящу я спросил.
Она рекла мне: „Я Фелица!“
Рекла – и светлый облак скрыл
От глаз моих ненасыщенных
Божественны ее черты;
Курение мастик бесценных
Мой дом, и место то цветы
Покрыли, где она явилась.
Мой бог! мой ангел во плоти!..
Душа моя за ней стремилась,
Но я за ней не мог идти.
Подобно громом оглушенный,
Бесчувствен я, безгласен был.
Но, током слезным орошенный,
Пришел в себя и возгласил:
„Возможно ль, кроткая царевна!
И ты к Мурзе чтоб своему
Была сурова столь и гневна,
И стрелы к сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
К себе и ты не одобряла?
Довольно без тебя людей,
Довольно без тебя поэту
За каждую мысль, за каждый стих
Ответствовать лихому свету
И от сатир щититься злых!

Довольно золотых кумиров,
Без чувств мои что песни чли;
Довольно кадиев, факиров,
Которы в зависти сочли

Тебе их неприличной лестью;
Довольно нажил я врагов!
Иной отнес себе к бесчестию,
Что не дерут его усов;
Иному показалось больно,
Что он наседкой не сидит;
Иному – очень своевольно
С тобой Мурза твой говорит;
Иной вменял мне в преступленье,
Что я посланницей с небес
Тебя быть мыслил в восхищенье
И лил в восторге токи слез.
И словом: тот хотел арбуза,
А тот соленых огурцов, -
Но пусть им здесь докажет муза,
Что я не из числа льстецов;
Что сердца моего товаров
За деньги я не продаю
И что не из чужих анбаров
Тебе наряды я крою.
Но, венценосна, добродетель!
Не лесть я пел и не мечты,
А то, чему весь мир свидетель, -
Твои дела суть красоты.
Я пел, пою и петь их буду
И в шутках правду возведу;
Татарски песни из-под спуду,
Как луч, потомству сообщу;
Как солнце, как луну, поставлю
Твой образ будущим векам;
Превознесу тебя, прославлю;
Тобой бессмертен буду сам“.

ПРАВЕДНЫЙ СУДИЯ

Я милость воспою и суд
И возглашу хвалу я богу;
Законы, поученье, труд,
Премудрость, добродетель строго
И непорочность возлюблю.

В моем я доме буду жить
В согласьи, в правде, в преподобьи;
Как чад, рабов моих любить,
И сердца моего в незлобьи
Одни пороки истреблю.

И мысленным очам моим
Не предложу я дел преступных;
Ничем не приобщуся к злым,
Возненавижу я распутных
И отвращуся от льстецов.

От своенравных уклонюсь,
Не прилеплюсь в совет коварных,
От порицаний устранюсь,
Наветов, наущений тайных,
И изгоню клеветников.

За стол с собою не пущу
Надменных, злых, неблагодарных;
Моей трапезой угощу
Правдивых, честных, благонравных,
К благим и добрым буду добр.
И где со мною ни сойдутся
Лжецы, мздоимцы, гордецы, -
Отвсюду мною изженутся
В дальнейшие земны концы,
Иль казнь повергнет их во гроб.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ФЕЛИЦЫ

Рафаэль! живописец славный,
Творец искусством естества!
Рафаэль чудный, бесприкладкып,
Изобразитель божества!
Умел ты кистию свободной
Непостижимость написать, –
Умей моей богоподобной
Царевны образ начертать.

Изобрази ее мне точно
Осанку, возраст и черты,
Чтоб в них я видел и заочно
Ее и сердца красоты,
И духа чувства возвышенны,
И разума ее дела:
Фелица, ангел воплощенный,
В твоей картине бы жила.

Небесно-голубые взоры
И по ланитам нежна тень
Сквозь мрак времен, стихиев споры
Блистали бы, как ясный день;
Как утремня заря весення,
Так улыбалась бы она;
Как пальма, в рае насажденна,
Так возвышалась бы стройна.

Как пальма клонит благовонву
Вершину и лице свое, –
Так тиху, важну, благородну
Ты поступь напиши ее.
Коричными чело власами,
А перлом перси осени;
Премудрость и любовь устами,
Как розы дышут, изъясни.

Представь в лице ее геройство,
 В очах величие души;
 Премилосердо, нежно свойство
 И онисхожденье напиши.
 Не позабудь приятность в нраве
 И кроткий глас ее речей;
 Во всей изобрази ты славе
 Владычицу души моей.

Одень в доспехи, в брони златы
 И в мужество ее красы:
 Чтоб шлем блистал на ней пернатый,
 Зефиры веяли власы;
 Чтоб конь под ней главой крутился
 И бурно броды опенял;
 Чтоб Норд седый ей удивился
 И обладать собой избрал.

Избрал – и, падига на колена,
 Поднес бы скиптр ей и венец;
 Она, мольбой его смягченна
 И став владычицей сердец,
 Бесстрашно б узы разрешила
 Издревле скованных цепьми,
 Свободой бы рабов пленила
 И нарекла себе детьми.

Престол ее на Скандинавских,
 Камчатских и Златых горах,
 От стран Таймурских до Кубанских
 Поставь на сорок двух столпах;
 Как восемь бы зеркал стояли
 Ее великие моря;
 С полнеба звезды освещали,
 Вокруг багряная заря.

Средь дивного сего чертога
И велелепной высоты
В величестве, в сияньи бога,
Ее изобрази мне ты;
Чтоб, сшед с престола, подавала
Скрыжаль заповедей святых;
Чтобы вселенна принимала
Глас божий, глас природы в них.

Чтоб дики люди отдаленны,
Покрыты шерстью, чешуей,
Пернатых перьем испещренны,
Одеты листьем и корой,
Сошедшия к ее престолу
И кротких вняв законов глас,
По желто-смуглым лицам долу
Струили токи слез из глаз.

Струили б слезы – и, блаженство
Своих проразумея дней,
Забыли бы свое равенство
И были все подвластны ей:
Финн в море, бледный, рыжевласый,
Не разбивал бы кораблей,
И узкоглазый гунн жал класы
Среди седых, сухих зыбей.

Припомни, чтоб она вещала
Бесчисленным ее ордам:
„Я счастья вашего искала,
И в вас его нашла я вам;
Став сами вы себе послушны,
Живите, славьтесь в мой век
И будьте столь багополучны,
Колико может человек.

Я вам даго свободу мыслить
И разуместь себя ценить,
Не в рабстве, а в подданстве числить
И в ноги мне челом не бить.
Даю вам право без препоны
Мне ваши нужды представлять,
Читать и знать мои законы
И в них ошибки замечать.

Даю вам право собираться
И в думах золото копить,
Ко мне послами отправляться
И не всегда меня хвалить.
Даю вам право беспристрастно
В судьи друг друга выбирать,
Самим дела свои всевластно
И начинать и окончать.

Не воспрещу я стихотворцам
Писать и чепуху м лести;
Халдеям, новым чудотворцам,
Махать с духами, пить и есть;
Но я во всем, что лишь не злобно,
Потщуся равнодушной быть,
Великолепно и спокойно
Мои благодеянья лить“.

Рекла, – и взор бы озарился
Величием ее души,
Хаос на сферы б разделился
Ее рукою, – напиши.
Чтоб солнца в путь свой покатались
И тысячи вокруг их планет;
Из праха грады возносились,
Восстали царства, – и был свет.

Изобрази мне мир сей новый
В лице молодого летня дня;
Как рощи, холмы, башни, кровы,
От горнего златясь огня,
Из мрака восстают, блистают
И смотрятся в зеркало вод;
Все новы чувства получают,
И движется всех смертных род.

Представь мне лучезарны храмы
И ангелов поющих лик,
И благовонны фимиамы
Как облака б носились в них;
И чтоб царевна, умиленна,
Вперя свой взор на небеса,
Слезами зрелась окроплеина,
Блистающими как роса.

Как с синей крутизны эфира
Лучам случится ниспадать, –
От вседержителя так мира
Чтоб к ней сходила благодать
И в виде счастья земного
Чтоб сыпала пред ней цветы,
И купно века бы драгого
Катилися часы златы.

Чтоб видел я в рога зовущих
Там пастухов стада на луг;
На рощах липовых, цветущих
Рои жужжащих пчел вокруг:
Шумя, младых бы класов волны
Переливались ветерком,
Граненых бриллиантов холмы
В след сыпались за кораблем.

Чтобы с ристалища мне громы
 И плески доходили в слух,
 И вихрем всадники несомы
 Поспешно б натягали лук,
 И стрелу, к облакам пущенну,
 Пересекали бы другой;
 И всю в стязаньи бы вселенну
 Я пред Фелицей зрел младой.

И зрел бы я ее на троне
 Седящу в утварях царей:
 В порфире, бармах и короне,
 И взглядом вдруг одним очей
 Объемлющу моря и сушу
 Во всем владычестве своем,
 Всему дающу жизнь и душу
 И управляющую всем.

Чтоб свыше ею вдохновенны
 Мурзы, паши и визири,
 Сединой мудрости почтенны,
 В диване зрелись как цари;
 Закон бы свято сохраняли
 И по стезям бы правды шли,
 Носить ей скипетр пособляли
 И пользу общую блюли.

Она б пред ними председадала,
 Как всемогущий царь царей,
 Свои наказы подтверждадала
 Для благоденствия людей.
 Рекла б: „Почто писать уставы,
 Коль их в диванах не творят?
 Развратные вельможей нравы -
 Народа целого разврат.

Ваш долг монарху, богу, царству
Служить, и клятвой не играть;
Неправде, злобе, мзде, коварству
Пути повсюду пресекать;
Пристрастный суд разбоя злее, -
Судьи – враги, где спит закон:
Пред вами гражданина шея
Протянута без оборон“.

Представь, чтоб глас сей светозарный,
Как луч с небес, проник сердца,
Извлек бы слезы благодарны,
И все монарха, и отца,
И бога бы в Фелице зрели,
Который праведен и благ;
Из уст бы громы лишь гремели,
Которы у нее в руках.

Соделай, чтоб судебны храмы
Ее лугами обросли,
Весы бы в них стояли прямы
И редко к таим бы люди шли;
Чтоб совесть всюду председадала
И обнимался с ней закон,
Чтоб милость истину лобзала
И миру поставляла трон.

Представь, чтоб все царевма средствы
В пособие себе брала
Предупреждать народа бедствы
И сохранять его от зла;
Чтоб отворила всем дороги
Чрез почту письма к ней писать,
Велела бы в свои чертоги
Для объясненья допускать.

Как молния, ее бы взоры
Сверкали быстро в небесах,
Проникнуть мысли были скоры
И в самых скрытнейших сердцах;
Чтоб издалече познавала
Она невинного ни в чем,
Как ангел бы к нему блистала
Благоволения лицом.

Дерзни мне кистию волшебной
Святылище изобразить,
Где взора смертных удаленной
Благоволит Фелица быть;
Где тайна перстом помавает
И на уста кладет печать,
Где благочестье председатель
И долг велит страстям молчать.

Представь ее облобоченну
На Зороастров истукан,
Смотрящу там на всю вселену,
На огнезвездный океан,
Вещающе: „О ты, превечный!
Который волею своей
Колеса движешь быстротечны
Вращающейся природы всей!

Когда ты есть душа едина
Движенью сих огромных тел, -
То ты ж, конечно, и причина
И нравственных народных дел;
Тобою царствы возрастают,
Твое орудие цари;
Тобой они и померцают,
Как блеск вечерняя зари.

Наставь меня, миров содетель!
Да воле следуя твоей,
Тебя люблю и добродетель
И зижду счастье людей;
Да век мой на дела полезны
И славу их я посвящу,
Самодержавства скиптр железный
Моей щедротой позлащу.

Да удостоенна любви,
Надзрения твоих очес,
Чтоб я за каждую каплю крови,
За всякую бы каплю слез
Народа моего пролитых
Тебе ответствовать могла
И чувств души моей сокрытых
Тебя свидетелем звала“.

Представь, чтоб тут кидала взоры
Со отвращением она
На те ужасны приговоры,
Где смерть написана, война
Свинцова гряфеля чертами,
И медленно б крепила их, -
И тут же горькими слезами
Смывала бы слова все с них.

Но милости б определяла
Она с смеющимся лицом,
Златая бы струя бежала
За скоропишущим пером
И проливалась бы с престола
В несчетных тысящах прохлад,
Как в ясный день с крутых гор дол.у
Лучистый с шумом водопад.

Чтоб сей рекой благоденний
 Покрылась вся ее страна;
 Я зрел бы цепь пространных зданий,
 Где пользует больных она,
 Где бедных пищей насыщает,
 Где брошенных берет сирот,
 Где их лелеет, возвращает,
 Где просвещает свой народ.

Представь мне, в мысли восхищенной,
 Сходила бы с небес она;
 Как солнце грудь, в ткани зеленой,
 Рукой метала семена;
 Как искры огненны дождились
 Златые б зерна в снедь птенцам;
 Орлы молодые разбудились
 И воскрилялись бы к лучам.

Яви искусством чудотворным,
 Чтоб льды прияли вид лилей;
 Весна дыханьем теплотворным
 Звала бы с моря лебедей;
 Летели б с криком вереницы,
 Звучали б трубы с облаков, -
 Так в царство бы текли Фелииы
 Народы из чужих краев.

Не позабудь ее представить,
 Как, вместо алтарей себе,
 Царя великого поставить
 Велела на мольбу Орде;
 Как всюду раздалися клики
 И громы света по конец:
 „Предстал нам Зороастр великий,
 Вюскрес отечества отец!“

Изобрази и то в картине,
Чтоб сей подобный грому клик
В безмерной времени долине,
Как будто бы катясь, затих;
Фелицы ж славою удвоен,
Громчай в потомстве возгласил:
„Велик, кто алтарей достоен,
Но их другому посвятил!“

Представь, сей славой возбужденны,
Чтоб зреть ее цари пришли
И как бы древле, удивленны,
В ней Соломона вновь нашли;
Народ счастливый и блаженный
Великой бы ее нарек,
Поднес бы титлы ей священны;
Она б рекла: „Я челолек“.

Возвысь до облак лавр зеленый,
И чтоб он на полях стоял;
Под ним бы, тенью прохлажденный,
Спокойно Исполин дремал;
Как мрамор бела б грудь блистала.
Ланиты бы цвели зарей, -
Фелица так бы услаждала
Полсвета под своей рукой.

И, здравие его спасая,
Без ужаса пила бы яд;
От твердости ее смерть злая
Свой отвратила б смутный взгляд;
Коса ее дала бы звуки,
Преткнувшись о великий дух;
На небеса воздели б руки
Младенцев миллионы вдруг.

Супругов чувства благодарны
 За оживленье их детей,
 Как бы пылинки лучезарны,
 Огнистой от стекла струей
 Отпрянув, в воздухе сверкали,
 Являли б пламень их сердец:
 „Мы зрим в Фелице, – восклицали, –
 Твое подобие, творец!“

Изобрази ты мне царевну
 Еще и в подвигах других:
 Стоглаву гидру разъяренну
 И фуриев с земель своих
 Чтобь гнала она геройски;
 Как мать, – своих спасала б чад;
 Как царь, – на гордость двигла войски;
 Как бог, – свергала злобу в ад.

На сребролунно государство
 Простри крылатый, сизый гром;
 В железно-каменное царство
 Брось молнии – и поставь вверх дном;
 Орел царевнин бы ногою
 Вверху рога луны сгибал,
 Тогда ж бы на земле другою
 У гладна льва он зев сжимал.

Чтобы ее бесстрашны войски
 От колыбели до седин
 Носили дух в себе геройский,
 И отрок будто б исполин
 Врагам в сражениях казался;
 Их пленник бы сказал о них:
 „Никто в бою им не равнялся,
 Кроме души великой их“.

Чтобы вселенныя владыки
И вдяк ту истину узнал:
Где войски Зороастр великий
Образовал и учреждал
И где великую в них душу
Великая Фелица льет, -
Те войски горы, море, сушу
Пройдут – и им препоны нет.

Чтоб грозный полк их представлялся
Как страшна буря вдалеке,
И Мир в порфире приближался
Тогда б к царевниной руке.
Она б его обლობызала
И ветвь его к себе взяла,
„Да будет тишина!“ – сказала,
И к нам бы тишина пришла.

Как ангел в синеве эфира
И милосердия в лице,
Со кротостью в душе зефира,
С сияньем тихим звезд в венце,
Влаголюбивая б царевна
В день зрелась мирна торжества;
Душа моя бы восхищенна
Была делами божества.

Из уст ее текла бы сладость
И утишала стой вдовиц;
Из глаз ее блистала б радость
И освещала мрак темниц;
Рука ее бы награждала
Прямым отечества сынов;
Душа ее в себе прощала
Неблагодарных и врагов.

Приятность бы сопровождала
Ее беседу, дружбу, власть;
Приветливость ее равняла
С монархом подданного часть.
Повсюду музы, в восхищенье,
Ей сыпали б цветы сердец,
И самое Недоуменье
Ей плесков поднесло б венец.

Черты одной – красот ей ложно
Блюдися приписать в твой век;
Представь, каков, коль только можно,
Богopodobный человек!
Исполнь ее величеств, власти,
Бессмертных мудрости даров,
Вдохни, вдохни ей также страсти:
Щедроту, славу и любовь.

И славу моему ты взору
Ее представь как бы в ночи
Возжженну бриллиантов гору,
От коей бы лились лучи
И живо в вечности играли;
На светлу оной крутизну
Калифы многие желали -
Ползли – скользили – пали в тьму.

Как огнемн столп на понте, взорам
К горе сей колебался б путь;
Фелица бы внушала Хлорам:
„Там розы без шипов растут“.
Мурза б, в восторге, в удивленьи,
Под золотым ее щитом

В татарском упражнялся пеньи
И восклицал открытым ртом:

„Бросай, кто хочет: остры стрелы
От чистой совести скользят;
Имея сердце, руки белы,
Мне стыдно мстить, стыднее лгать;
Того стыднее – в дни блаженны
За истину страшиться зла:
Моей царевной восхищенный,
Я лишь ее пою дела“.

Но что, Рафаэль! что ты пишешь?
Кого ты, где изобразил?
Не на холсте, не в красках дышишь,
И не металл ты оживил;
Я в сердце зрю алмаэну гору,
На нем божественны черты
Сияют исетупленну взору;
На нем в лучах – Фелица, ты!

ПРОГУЛКА В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

В прекрасный майский день,
В час ясных погоды,
Как всюду длинна тень,
Ложась в стеклянны воды,
В их зеркале брегов
Изображала виды
И как между столпов
И зданием Фемиды,
Сооруженных ей
Героев русских в славу,
При гласе лебедей,
В прохладу и забаву,
Вечернею порой
От всех уединяясь,
С Пленирою молодой

Мы, в лодочке катаясь,
Гуляли в озерке;
Она в корме сидела,
А посредине я.
За нами вслед летела
Жемчужная струя,
Кристалл шумел от весел.
О, сколько с нею я
В прогулке сей был весел!
Любезная моя! -
Я тут сказал, – Пленира!
Тобой пленен мой дух,
Ты дар всего мне мира.
Взгляни, взгляни вокруг
И виждь, красы природы
Как бы стеклись к нам вдруг:
Сребром сверкают воды,
Рубином облака,
Багряным златом кровы,
Как огненна река;
Свет ясный, пурпуровый
Объял все воды вокруг;
Смотри в них рыб плесканье,
Плывущих птиц на луг
И крыл их трепетанье.
Весна во всех местах
Нам взор свой ослабляет,
В зеленых муравах
Ковры нам подстиляет;
Послушай рога рев,
Там эха хохотанье;
Тут шепоты ручьев,
Здесь розы воздыханье!
Се ветер помавал
Крылами тихо слуху.

Какая пища духу! -
В восторге я сказал, -
Коль красен взор природы
И памятников вид,
Они где зрятся в воды
И соловей сидит
Где близ и воспевает,
Зря розу иль зарю!
Он будто изъявляет
И богу и царю
Свое благодаренье:
Царю – за память слуг;
Творцу – что влил стремленье
К любви всем тварям в дух.
И ты, сидя при розе,
Так, дней весенних сын,
Пой, Карамзин! – Ив прозе
Глас слышен соловьин.

АНАКРЕОН В СОБРАНИИ

Нежный, нежный воздыхатель,
О певец любви и неги!
Ты когда бы лишь увидел
Столько нимф и столько милых,
Без вина бы и без хмелю
Ты во всех бы в них влюбился;

И в мечте иль в восхищеньи
Ты бы видел, будто въяве:
На станице птичек белых
Во жемчужной колеснице,
Как на облачке весеннем
Тихим воздуха дыханьем,
Со колчаном вьется мальчик,

С позлащенным легким луком,
И туда-сюда летает;
И садится он по нимфам,
То на ту, то на иную,
Как садятся желты пчелы
На цветы в полях младае.

Он у той блистал во взглядах,
У иной блистал в улыбке
И пускал оттуда жалы,
Как лучи пускает солнце.
Жалы были ядовиты,
Но и меду были слаще,
Не летали они мимо,
Попадали они в душу,
И душа б твоя томилась,
Уязвленная любовью;
Лишь Паллады щит небесной
Утолил твои бы вздохи.

СКРОМНОСТЬ

Тихий, милый ветерочек,
Коль порхнешь ты на любезну,
Как вздыханье ей в ушко шепчи.
Если спросит, чье? – молчи.

Чистый, быстрый ручеечек,
Если встретишь ты любезну,
Как слезинка ей в лицо плещи.
Если спросит, чья? – молчи.

Ясный, ведряный денечек,
Как осветишь ты любезну,
Взглядов пламенных ей брось лучи.
Если спросит, чьи? – молчи.

Темный, миртовый лесочек,
Как сокроешь ты любезну,
Тихо веткой грудь ей щекочи.
Если спросит, кто? – молчи.

http://az.lib.ru/d/derzhawin_g_r/text_0010.shtml

ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ

Восстал Всевышний Бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! видят – и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царем земли!

БОГ

О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто всё собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: Бог.

Измерить океан глубокий,
Сочечь пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий, -
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света Твоего рожденны,
Исследовать судеб Твоих:
Лишь мысль к Тебе взнестись дерзает
В твоём величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

Хаоса бытность довременну
Из бездн Ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В себе самом Ты основал:
Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавый всё единым словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты был, Ты есть, Ты будешь ввек!

Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертью живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнца от Тебя родятся;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют,
Так звезды в безднах под Тобой.

Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампы,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры -
Перед Тобой – как ночь пред днем.

Как капля, в море опущенна,
Вся твердь перед Тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?

И что перед Тобою я?
 В воздушном океане оном,
 Миры умножа миллионом
 Стократ других миров, – и то,
 Когда дерзну сравнить с Тобою,
 Лишь будет точкою одною;
 А я перед Тобой – ничто.

Ничто! – Но Ты во мне сияешь
 Величеством Твоих доброт;
 Во мне Себя изображаешь,
 Как солнце в малой капле вод.
 Ничто! – Но жизнь я ощущаю,
 Несытым некаким летаю
 Всегда пареньем в высоты;
 Тебя душа моя быть чает,
 Вникает, мыслит, рассуждает:
 Я есмь – конечно, есть и Ты!

Ты есть! – природы чин вещает,
 Гласит мое мне сердце то,
 Меня мой разум уверяет,
 Ты есть – и я уж не ничто!
 Частица целой я вселенной,
 Поставлен, мнится мне, в почтенной
 Сердине естества я той,
 Где кончил тварей Ты телесных,
 Где начал Ты духов небесных
 И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров, повсюду сущих,
 Я крайняя степень вещества;
 Я средоточие живущих;
 Черта начальна Божества;
 Я телом в прахе истлеваю,
 Умом громам повелеваю,

Я царь – я раб – я червь – я Бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? – безвестен;
А сам собой я быть не мог.

Твое создание я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! – в бессмертие Твое.

Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к Тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

МОЛИТВА

О Боже! чту Твоих пределов светозарность
И льщусь, что я могу в блаженстве вечном жить;
К престолу Твоему взываю благодарность,
Что Ты определил мне в сей надежде быть.

Ты благодать льешь свою на грешных всеконечно,
Ты наши слабости щедротой превозмог;
Владение Твое есть благо и предвечно:
Мне все вещает здесь, что Ты прямой есть Бог.

Мне солнце есть Твоих пределов предьявление,
Могущество Твое со всех я вижу стран;
Природа вся мне в том есть точно уверенье,
Что Твой закон всему пространну миру дан.

Величие Твое, о Боже! воспеваю,
К Тебе стремлю я мысль и чувства и дух,
И сердцем существо Твое я прославляю;
О Боже! преклони к усердным песням слух.

Мне помощь не нужна парнаска Аполлона,
Дабы Создателя усердием почтить;
Не надобно к тому гремящей лиры звона, -
Лишь надобно уметь Создателя любить.

НА ТЩЕТУ ЗЕМНОЙ СЛАВЫ

Услышьте все, живущи в мире,
Убогих и богатых сонм,
Ходящи в рубище, в порфире,
Склонитесь ко мне челом!
Язык мой истину вещает,
Премудрость сердце говорит;
Что свыше дух святой внушает,
Моя то лира днесь звучит.

Не убоюсь во дни я злые,
Коль сильный гнать меня начнет,
Опершись на столпы златые,
Богатств пятой меня поперет;

В день лют – брат брату не спасенье,
Не заменит души душой;
У смерти тщетно искупленье,
Цены нет жизни никакой.

Пускай же князи процветают,
Не чая гибели своей;
Но коль и мудры умирают
И погребаются землей
Равно с безумцами вседневно:
За гробом должен всяк своим
Свой сан, сокровище бесценно,
Оставить по себе другим.

Ах, тщетно смертны мнят в надменье,
Что ввек их зданья не падут;
Что титл и славы расширенье
Потомки в надписях почтут.
Увы! вся власть и честь земная
Минует с нами, будто тень:
Затмит лишь солнце тьма ночная,
Где звук? где блеск? где светлый день?

Где скиптр, – коль только добродетель
Не освещала жизни путь,
И хвал тщеславье лишь содетель,
По нас которые поют?
Ах! глупому равны мы стаду,
Косой что гонит к гробу Смерть:
В ней праведник один в награду
Удобен утро жизни зреть.

Не вечно бездна дух обымет,
Но он ее переживет.
Господь мою как душу примет
И облечет бессмертья в свет:

Воззрит она на долгоденство
Тогда, без зависти, того,
Кто честь, богатство, благоденство
Умножил дому своего.

По смерти не возьмет с собою
Никто вещей своих драгих;
Блаженный жизнью здесь святою
Блажится меж духов благих;
А если здесь не освятится
И в злобе век свой проведет,
Между благими не вселится,
Его не облистает свет.

От нашей воли то зависит,
Чтоб здесь и там блаженным быть,
Себя унижить иль возвысить,
Погребсть во тьме иль осветить.
На высшей степени мы власти
Свою теряем высоту:
В порочные упавший страсти
Подобен человек скоту.

<http://imwerden.de>